

GHANA-RUSSIAN RELATIONS: HISTORY AND PERSPECTIVES

Abstract. The article considers main stages and peculiarities in the relations between the Republic of Ghana and the Russian Federation. The subject of study is the relationship between Russia and Ghana. The problem of the study is the nature of the relations between the two nations that for the purpose of this study have been divided into three main time periods. The article will specifically focus on the relations between Russia and Ghana since its independence until the fall of Kwame Nkrumah, as well as on the unstable period of successive military coups and the relations between the two countries from 1992 to date. Moscow regards the Republic of Ghana as a reliable and time-tested partner, particularly in international issues. The study is based on the development of the relations between Ghana and Russia from 1957 to the present. It proves that Ghana and Russia have maintained friendly relations for many years and have a high potential for expanding mutually beneficial bilateral cooperation on a wide range of issues. The aim of the study is to increase the awareness regarding Russia's relations with Ghana and the African continent as a whole. The study shows that strengthening of cooperation between Ghana and Russia may have very high prospects for both countries in the future.

Key words: Ghana; Russia; Soviet Union; anti-colonialism; development; partnership; relationship; political relations; international organisations; political dialogue.

About the authors: Bokeriya Svetlana Aleksandrovna, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Affairs; Owusu-Ampaw Maxwell Ako, Postgraduate student at the Department of Theory and History of International Affairs.

Place of employment: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Максвелл Овусу-Ампау Ако, Бокерия С.А. Отношения между Ганой и Россией: история и перспективы // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 75–82.

Owusu-Ampaw M., Bokeriya S.A. Ghana-Russian Relations: History and Perspectives// Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 75–82.

УДК 93/94

Е.В. Вдовченко
Ростов-на-Дону, Россия

Ли Джэ Ын
Пусан, Республика Корея

ОБРАЗ МИРОВОГО ДРЕВА В ПОГРЕБЕНИИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОДОНЬЕ И НА КОРЕЙСКИХ ДИАДЕМАХ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ

Аннотация. Статья посвящена образу мирового древа, который обнаружен на роговом реликварии в женском погребении хазарского времени в Нижнем Подонье (Кастырский VI, к. 2, п. 6). Ближайшая аналогия этому реликвию – реликварий с Маяцкого городища, который имеет на своей поверхности рисунок дерева с тремя парами ветвей. Другая аналогия, близкая именно этому образу мирового древа, с костяного футляра из комплекса Кастырский найдена на другой окраине Евразии на триста лет раньше – это изображения мирового древа на царских диадемах из Кореи. В статье анализируется семантика изображения мирового древа на реликвирии, а также на диадемах. Исследуется связь мирового древа на диадемах с женскими персонажами на памятниках иранского культурного мира. Дерево на короне – это классический образ мирового древа как символа центра мира, и этот символ подчеркивает сакральные функции правителя. При интерпретации назначения мирового древа на диадеме следует учитывать связь корейских диадем с шаманизмом, а также с образом царя. Появление образа мирового древа может быть связано с происхождением этих образов из степной зоны Центральной Азии. В Корее диадемы фиксируются в V в. н.э. и связаны с культурным влиянием кочевого мира. Хазары являются по происхождению частью тюркского мира Центральной Азии и переселились в Восточную Европу в конце VI – начале VII в. н.э. На настоящий момент культурная связь между диадемами и реликвирием – авторская гипотеза, и ее правомерность покажут дальнейшие исследования.

Ключевые слова: мировое древо; салтово-маяцкая культура; Силла; Нижнее Подонье; Корея; образы пространства; погребальный обряд; диадема; царь; шаманизм.

Сведения об авторах: Евгений Викторович Вдовченков¹, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений; Ли Жи Ын², кандидат исторических наук, профессор-исследователь.

Место работы: ¹Южный федеральный университет; ²Университет Донг-А, Пусан, Республика Корея.

Контактная информация: ¹344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 33, тел. 8(863)218-40-00, e-mail: vdovchenkov@yandex.ru; ²Республика Корея, г. Пусан, Кымсэмно-485-бонкиль, 65, тел. 051-512-0311, e-mail: counselling@mest.go.kr.

В 1984 г. при работе над оросительной системой возле хутора Костырский в Константиновском районе Ростовской области проводились раскопки под руководством В.Г. Житникова. Этот район находится в 30 км к востоку от места впадения в Дон крупнейшего правого притока – реки Северский Донец. В кургане № 2 могильника Кастырский VI было найдено впущенное погребение, которое относится к хазарскому времени¹ (Житников 1985: 41–45). Оно ориентировано на юго-запад, погребальное сооружение – яма с заплечиками. В погребении находился костяк, который определен как женский, 18–20 лет. Наряду со стандартным погребальным инвентарем этой культуры (сосуд, лепной кувшинчик, железная бляха (зеркало?), серебряный перстень) в районе таза был найден костяной футляр, сделанный из трубчатой кости (рис. 1). Размеры футляра: высота 36 см, в нижней части ширина 5,7 на 3,2 см, в верхней части ширина 3,1 на 2,1 см. Дно, видимо, было кожаным и не сохранилось. В нем находились 12 глазчатых бус. Это погребение по инвентарю можно датировать IX в. н.э. Оно относится ко времени более позднему, чем памятники соколовского типа.

Футляр – это реликварий для хранения разных предметов. Очень интересен рисунок на этом изделии. Вся поверхность футляра занимает стилизованное изображение мирового древа, состоящего из ствола и трех симметрично расположенных ветвей, заканчивающихся листьями (рис. 2). У основания ствола обозначены парные симметричные изображения птиц. По нижнему краю

нанесен широкий меандр. По верхнему краю идет пояс треугольников.

Это погребение (рис. 3) связано с тюркской культурной традицией, о чем говорят погребальный обряд, инвентарь и ориентация погребенного.

Параллели. Ближайшая аналогия этому реликварию по времени и культурной принадлежности – реликварий с Маяцкого городища (рис. 4) (Флерова 2013: 62, 122, таб. X). Это двусторчатое изделие имеет на своей поверхности рисунок дерева с тремя парами ветвей, вокруг которого обозначены ромбы.

Другая аналогия, близкая именно этому образу мирового древа, с костяного футляра из комплекса Кастырский VI, к. 2, п. 6 найдена на другой окраине Евразии на триста лет раньше – это изображения мирового древа на диадемах из Кореи (рис. 8). В юго-восточной части Кореи, в городе Кёнджу и его окрестностях, т. е. на территории бывшей столицы царства Силла, в курганах находят золотые и бронзовые диадемы с золотым покрытием и различными золотыми украшениями. Эти курганы располагаются компактно, рядом друг с другом в центре бывшей столицы Силла, они считаются царскими курганами. Золотые погребальные предметы находятся в царских курганах, датированных V–VI вв. н.э.

С V в. в курганах Силла появился обычай класть золотые предметы в погребения, до этого времени пышные золотые предметы нигде не использовались. В тех же комплексах находят серьги, поясные ремни, головные диадемы, кольца, тапочки и другие предметы.

Таблица 1

Комплект золотых предметов из царских курганов Силла

	Южный курган Хуангнамдэчонг		Северный курган Хуангнамдэчонг		Курган Гым- гуанчонг		Курган Чонмачонг		Курган Собонгчонг		Курган Гымрёнг- чонг	
	Внутри деревянного гроба	Вне деревянного гроба	Внутри	Вне	Внутри	Вне	Внутри	Вне	Внутри	Вне	Внутри	Вне
Золотая диадема			★		★		★		★		★	
Бронзовая диадема с золотым покрытием	★	★				★	★	★				

¹ Хотим поблагодарить Виктора Георгиевича Житникова, руководителя Археологической лаборатории Южного федерального университета, за возможность использовать в работе неопубликованные материалы его раскопок.

Окончание табл. 1

Золотой или серебряный внутренний головной убор		★				★	★	★				
Золотые украшения к головному убору		★				★	★	★				
Грудное украшение	★		★		★		★		★		★	
Золотой поясный ремень	★		★		★		★		★		★	
Длинный меч с украшениями	★			★	★		★	★			★	
Погребенный (предположительно)	Царь (мужчина возраста 60 лет)		Царица		Царь		Царь		Женщина из царской семьи		Принц	

К числу этих курганов можно отнести северный курган Хуанамдэчонг (курган № 98 района Хуанамдонг), курган Гымгуанчонг (курган у деревни Носори № 128), курган Чонмачонг (курган № 155 района Хвангнамдонг), курган Собонгчонг (рис. 8).

Семантика изображения на реликварии. Идея мирового древа на реликварии обозначает идею центра мира. Традиционные общества жили в сакрализованном космосе. Пространство, согласно их представлениям, нуждалось в освоении, упорядочивании, которое происходило посредством сакрализации. Ориентация в пространстве – важнейшее условие выживания и существования человека. Сакральные локусы, особенно Центр мира – важнейшие элементы сознания, без которых невозможна была ни ориентация в мире, ни успешные действия самого разного характера. Следует отметить соответствие, неразрывную связь сакрального и «реального» пространства в сознании человека традиционного общества. Сакральные локусы теснейшим образом были связаны с ритуалами.

Точкой отсчета Вселенной был акт творения, в ходе которого этот мир был создан, давший начало и пространству, и времени, неразрывно связанным между собой. Этот акт творения регулярно воспроизводился обществом с помощью ритуала. Социум соотносился с космосом, являлся его важнейшей частью. Архаичное сознание не отделяло мир человеческий от мира природного, а существование космоса без регулярных усилий людей представлялось немислимым. Как пишет А.В. Подосинов: «Эгоцентризм картины мира составляет основу, начало, первичный принцип, исходный пункт любой ориентации в древних культурах» (Подосинов 1999: 266).

Идеи пространства выражены в разных архаических культурах весьма сходным образом. Сакральный центр социума был центром мира. Он обозначался алтарем, святилищем, храмом, мировым деревом или мировой горой. Маркерами

центра могли выступать как отдельные атрибуты (например, очаг рода), так и избранные личности, в качестве которых выступали предводители племени. Мировое древо (мировая гора) – это центр космоса, организующий его в вертикальной проекции, пронизывающий три сферы вселенной (нижний мир, средний мир – земля, верхний мир – небо). Мировое древо – место встречи земного и небесного. Трехчастность вселенной повторяется в каждой части мироздания. Микрокосмос (человек, социум, дом) по структуре подобен макрокосмосу, поскольку построен на таких же космологических принципах.

На футляре мы видим мировое древо и симметричные изображения птиц. Изображения мирового древа есть с обеих сторон футляра. Птицы довольно схематичны, и только у одной из 4 птиц обозначены лапки. Вся картинка (с обеих сторон футляра) состоит из трех частей и отражает трехчастность мироздания. Верхний мир отражен треугольниками по верху. Меандр внизу маркирует пространство нижнего мира. Направление обозначено меандром и ориентировано против часовой стрелки.

Средний мир – это основная часть изображения. Мировое древо, собственно говоря, и соединяет все три мира, что особенно хорошо видно по стволу, открывающемуся в верхний мир. Для мирового древа характерны изображения оленей или птиц, маркирующих средний мир и являющихся постоянными атрибутами мирового древа.

Может быть, неслучайно такой костяной предмет с особым семантическим статусом находится именно в женском погребении. Апотропеи и обереги в древности и раннем средневековье чаще попадают в детских и женских погребениях, например, сосуды с зооморфными ручками в погребениях салтово-маяцкой культуры.

Диадемы из курганов эпохи Силла – самые эффектные находки из царских курганов V–VI вв. Структурообразующий элемент диадемы – мировое древо в центре, по бокам – рога оленей, которые

обозначают симметричную пару оленей, а также иногда изображения птиц.

Диадемы интерпретируются как свидетельство существования шаманизма в Корее (Забияко, Ван 2015: 115–119; Li Ogg 1978). Атрибуты шаманского костюма хорошо известны по археологическим и этнографическим данным. В традициях тунгусо-маньчжурских народов шаманский головной убор украшался в верхней части либо рогами таежных животных, либо направленными вверх узкими металлическими пластинами, на концы которых во многих случаях крепились колокольчики, ленты, изображения птиц и некоторые другие ритуальные предметы (Забияко, Ван 2015: 115–116).

Ю.В. Ионова трактует диадемы как признак шаманизма: «Шаманизм как одна из ранних форм религии известен в Корее с глубокой древности и был в течение веков господствующей религиозной идеологией. Шаманы занимали высокое положение при дворах феодальных правителей. Нередки были случаи, когда в одном лице сочетались высшие светские и жреческие функции. Так, в одном из ранних корейских государств, в государстве Силла (IV в.), король выступал и как верховный шаман, о чем свидетельствует найденная золотая королевская корона с украшениями в виде “шаманского дерева” или рога оленя» (Ионова 1980: 5).

Статус шамана-царя, жреца-царя вполне типичен для древних обществ. Также типично соединение в социальном положении человека жреческого, шаманского звания с рангом государственного служащего. Иррациональная форма власти правителя проявлялась в том, что он участвовал в определенных наиболее важных обрядах, жертвоприношениях, и именно божественные силы санкционировали его особый социальный статус и деятельность.

Но следует обратить внимание на то, что это дерево на короне есть классический образ мирового дерева как символа центра мира, который подчеркивает сакральные функции правителя.

Царь, который господствует и в социальном, и в природном мире, имеет такие атрибуты, завязанные на центр мира, как трон и диадема. Мифологическое сознание предполагает дублирование символов и образов для их большей эффективности. Мировое дерево подчеркивает центральное положение царя (царицы).

Связь мирового дерева с женскими персонажами хорошо известна для иранского культурного мира. Очень эффектными образами мирового дерева являются изображения на диадемах знатных сарматок среднесарматской эпохи (рис. 5). Это находки из Кобяковского некрополя, курган № 10, из могильника у Усть-Лабинской станицы,

курган № 46, и из самого известного и богатого сарматского комплекса – кургана Хохлач. Для сравнительного анализа приводится близкая им находка из Тилля-Тепе (Афганистан). Симметричные изображения козлов, оленей, птиц по отношению к мировому дереву очень типичны. Высокий сакральный статус этих атрибутов головных уборов очевиден. Установлено, что подобные композиции символизируют идею постоянного возобновления жизненного цикла и связаны с моделью мира древнего населения Евразии (Гугуев 1992).

Мы видим также интересный образ, помогающий раскрыть связь мирового дерева и женского персонажа, в пазырыкской культуре Алтая. Это пазырыкский ковер из 5-го кургана (рис. 6). Женщина-богиня сидит на кресле-троне. Одной рукой женщина прикрывает рот, в другой – держит цветущую ветвь Древа жизни, которое как бы вырастает из ножки стула-трона. Стебель ветви изысканно изогнут и завершается 10-ю разнообразными цветами, которые образуют 4 идентичные пары (Баркова 1998: 140–141). Левый нижний отросток ветви имеет форму стилизованного рога животного. Именно из него как бы вырастает остальная ветвь.

Фрагмент ритона с изображением культовой сцены из Мерджан в Прикубанье конца IV–III вв. до н.э. содержит как изображение богини на троне и предстоящего всадника, так и мировое дерево рядом с ней (рис. 7).

Следует указать на два важных отличия упомянутых примеров использования мирового дерева в иранском культурном мире. Во-первых, они связаны с женскими персонажами, в то время как в Корее – и с мужскими, и с женскими образами.

Во-вторых, изображение на этих диадемах все же отличается по исполнению от образа на коронах из курганов эпохи Силла. И если идея, положенная в основу, видимо, одна и та же, то концепция и художественное решение отличаются.

И в этом плане ближайшим аналогом диадемам Силла является изображение на реликварии из комплекса Кастырский VI.

При интерпретации назначения мирового дерева на диадеме следует учитывать, что если на первый план выходит шаманизм и фигура правителя как шамана, то тогда мировое дерево – это соединитель всех трех миров, вертикаль коммуникации с другими мирами. Если же на первый план выходит функция именно царя и правителя, то мировое дерево – это символ центра мира и символ правителя как повелителя космического и социального пространства.

Вывод. Образ мирового дерева с рогового реликварии, анализируемый нами, связан с куль-

турным миром Центральной Азии и Дальнего Востока. В Корее диадемы фиксируются в V в. н.э. Хазары являются по происхождению частью тюркского мира Центральной Азии и переселились в Восточную Европу в конце VI – начале VII в. н.э. Хазарский каганат – самый западный осколок Тюркского каганата и самый долгоживущий – до X в. Но исторически хазары происходят из Центральной Азии.

Что же касается курганов в Кореи и культурных инноваций, то они появились в V в. н.э. и связаны, видимо, со степной традицией. Хроно-

логический и географический разрыв может быть преодолен в свете масштабных миграционных и политических процессов, охвативших евразийские степи в I тыс. н.э.

Таким образом, изображения на реликварии и на коронах происходят предположительно из близких культурных ареалов. В рядовом хазарском погребении изображение мирового дерева оказалось связано не с диадемой и статусом правителя, а обозначало сакральность такого предмета, как реликварий.

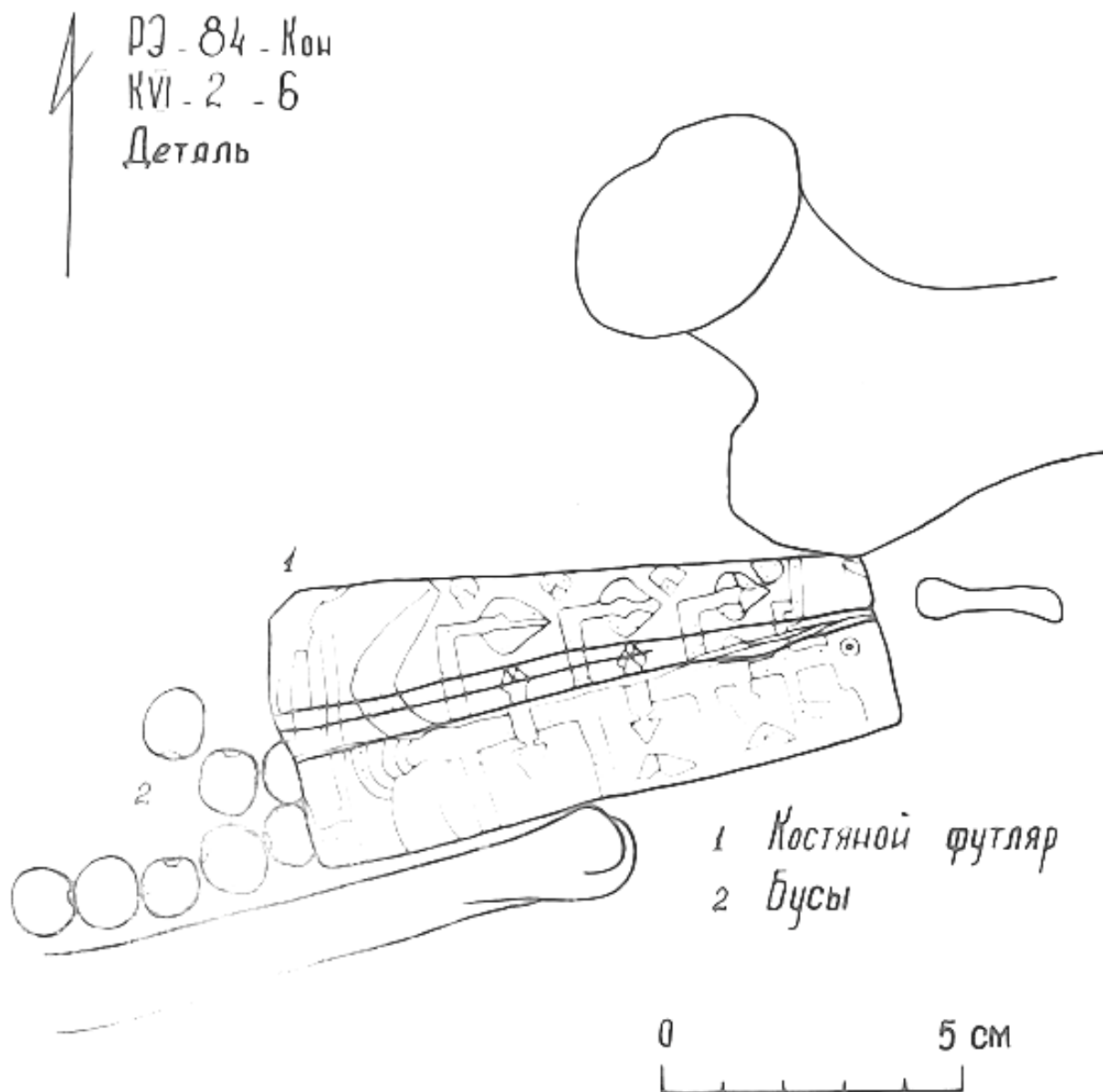

Рис. 1. Кастырский VI, к. 2, п. 6. Костяной футляр в районе таза (Житников 1985: рис. 114)

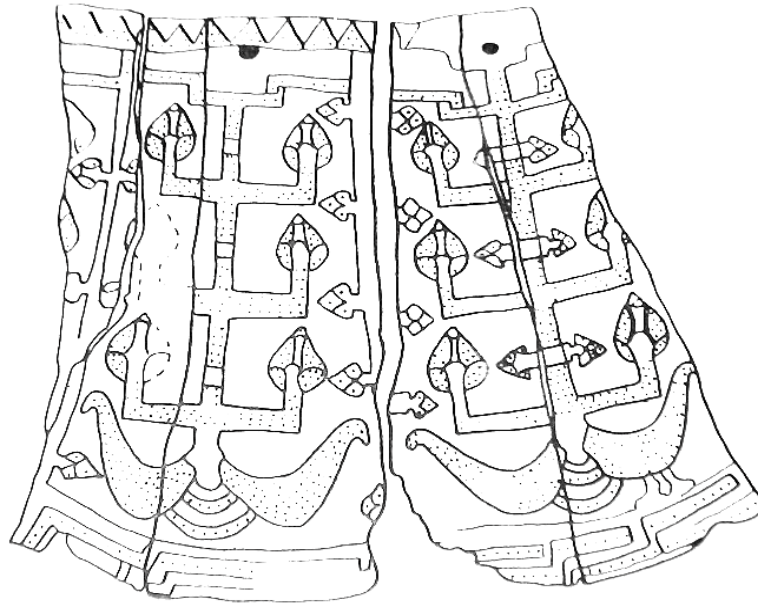

Рис. 2. Мировое древо на костяном футляре (Житников 1985: рис. 127)

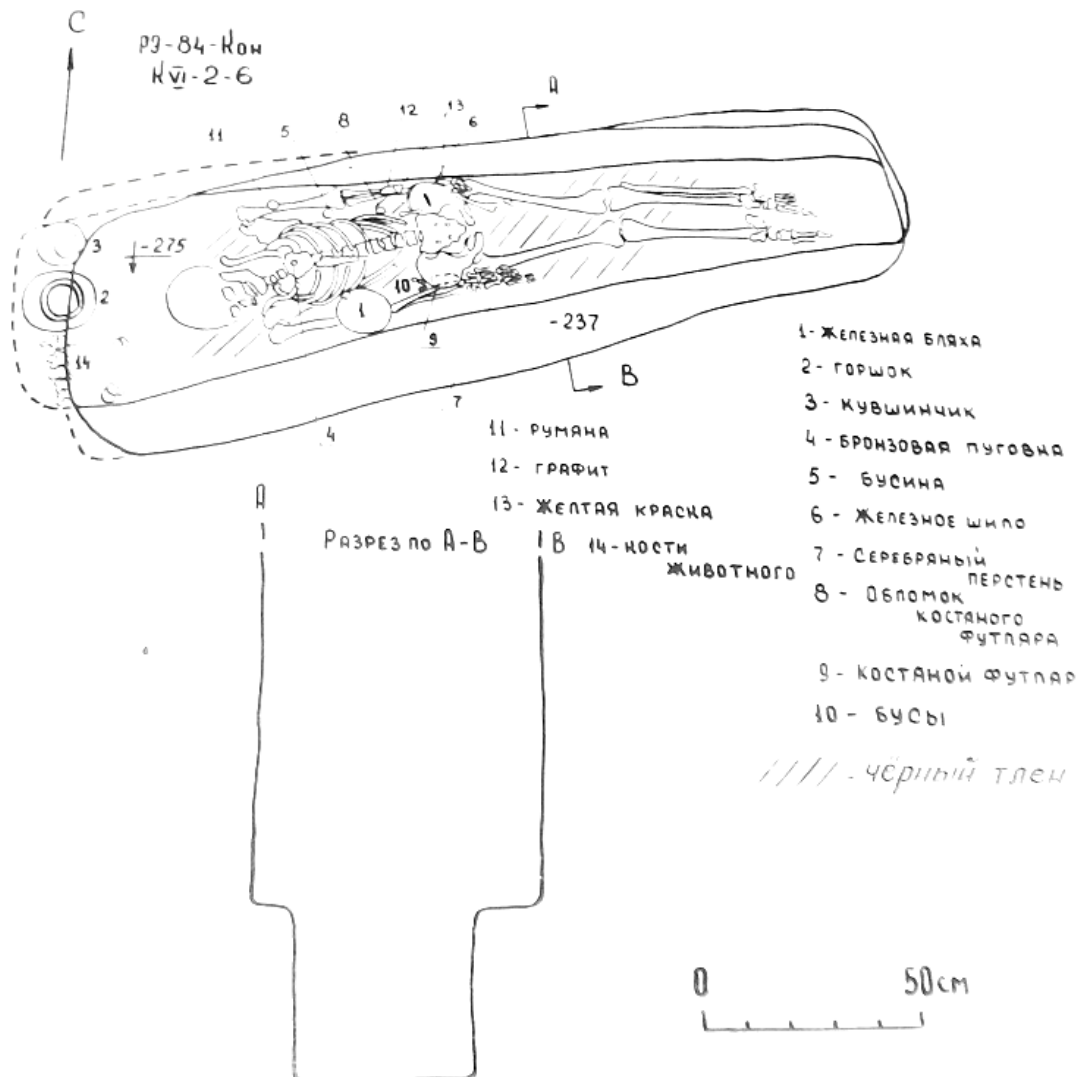

Рис. 3. Кастырский VI, к. 2, п. 6. План погребения (Житников 1985: рис. 112)

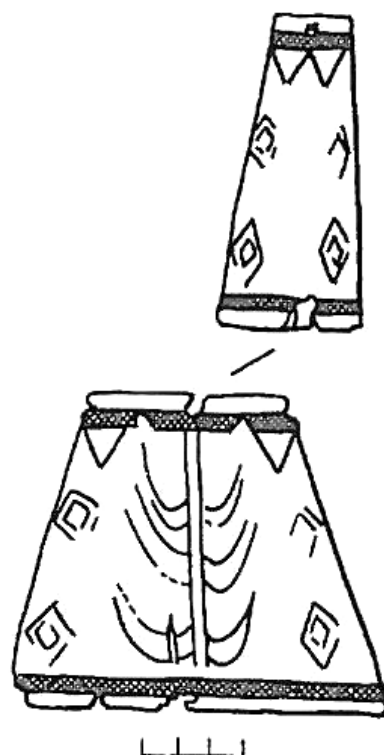

Рис. 4. Роговой футляр. Маяки (Флерова 2013: 122: таб. X)

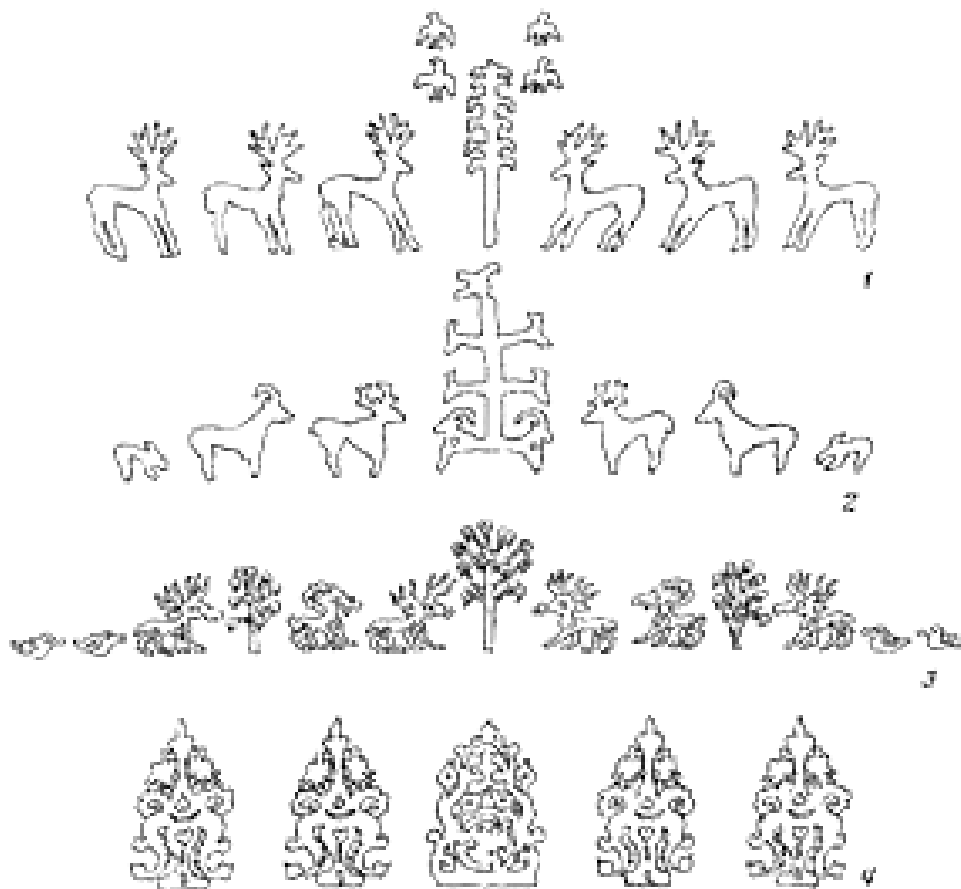

Рис. 5. Образы мирового дерева. Фризы диадем: 1 – Кобяковский курган, реконструкция; 2 – Усть-Лабинская, курган 46, реконструкция; 3 – Хохлач, часть фриза; 4 – Тилля-Тепе, погр. 6 (Гугуев 1992: рис. 3)

Рис. 6. Войлочный ковер из Пазырыкского кургана 5. Фрагмент, прорисовка (Баркова 1998: рис. 1)

Рис. 7. Фрагмент ритона с изображением культовой сцены. Скифская культура. Конец IV - начало III вв. до н.э. Курган у деревни Мерджаны, Прикубанье, Россия, Эрмитаж (Артамонов 1966: 77, таб. 331)

Рис. 8. Золотая диадема, курган Собонгчонг (Gold Crown 2018)

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артня; Советский художник.

Баркова Л.Л. 1998. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 137–142.

Гугуев В.К. 1992. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // Вестник древней истории 4, 116–129.

Житников В.Г. 1985. Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1984 г. Ростов н/Д: [б. и.].

Забяко А.П., Ван Ц. 2015. Юйшань // Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. Благовещенск: Амурский государственный университет, 115–119.

Засецкая И.П. 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.

Ионова Ю.В. 1980. Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Наука, 4–35.

Подосинов А.В. 1999. Ex oriente lux. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры.

Флерова В.Е. 2013. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС.

Li Ogg. 1978. An aureole of legend on a golden crown // The UNESCO courier. December, 44–49.

Gold Crown from Seobongchong Tomb. URL: <https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=752#> (2018. 24 февр.).

REFERENCES

Artamonov M. I. Sokrovishha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Jermitezha [Treasures of Scythian barrows in the collection of the State Hermitage Museum]. Praga; Leningrad: «Artiya»; «Sovetskij hudozhnik», 1966. (In Russian).

Barkova L. L. Bol'shoj vojlochnyj kovèr iz Pyatogo Pazyrykskogo kurgana [Large felt carpet from the Fifth Pazyryk mound]. In: Drevnie kul'tury Central'noj Azii i Sankt-Peterburg. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 70-letiju so dnja rozhdenija A.D. Gracha [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg: Proceedings of the all-Russian scientific conference dedicated to the 70th anniversary of A.D. Grach]. St. Petersburg: Kul't-inform-press, 1998, pp. 137–142. (In Russian).

Guguev V.K. Kobyakovskij kurgan (K voprosu o vostochnyh vliyaniyah na kul'turu sarmatov I v. n.eh. – nachala II v. n.eh.) [Kobyakovskiy mound (To the question of Eastern influences on the culture of the Sarmatians in the I century AD – beginning of the II century AD)]. In: Vestnik drevnej istorii [Journal of Ancient History]. № 4 (1992): 116–129. (In Russian).

Zhitnikov V.G. Otchet o rabote Konstantinovskogo otrjada Rostovskogo gosuniversiteta v zone stroitel'stva Konstantinovskoj orositel'noj sistemy v 1984 g. [Report on the work of Konstantinovsky team of Rostov State University in the construction zone of the Konstantinovo irrigation system in 1984]. Rostov n/D: [s.n.], 1985. (In Russian).

Zabijako A.P., Van C. Jujshan' // Naskal'nye izobrazhenija Severo-Vostochnogo Kitaja [Yushan // Rock paintings of Northeast China]. Blagoveshhensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2015, pp.115–119. (In Russian).

Zaseckaja I.P. Sokrovishha kurgana Hohlach. Novoчеркасский клад [Treasures of the Khokhlach Burial Mound. Novoчеркасска Hoard]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Jermitazha, 2011. (In Russian).

Ionova Ju. V. Shamanstvo v Koree (XIX – nachalo XX v.) [Shamanism in Korea (XIX-early XX century)]. In: Simvolika kul'tov i ritualov narodov zarubezhnoj Azii [Symbolism of cults and rituals of abroad Asia peoples]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 4–35. (In Russian).

Podosinov A.V. Ex oriente lux. Orientacija po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii [Ex oriente lux. Orientation on the cardinal points in archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. (In Russian).

Flerova V.E. Graffiti Hazarii [Graffiti of Khazaria]. Moscow: Editorial URSS, 2013. (In Russian).

Li Ogg. An aureole of legend on a golden crown. In: The UNESCO Courier. December (1978): 44–49.

Gold Crown from Seobongchong Tomb. Available at:<https://www.museum.go.kr/site/eng/relic/search/view?relicId=752#> (Accessed on 2018. 24 Feb.)

Ye.V. Vdovchenkov
Rostov-on-Don, Russia
Li Dzhi Un
Busan, Republic of Korea

THE IMAGE OF WORLD TREE IN THE BURIAL OF THE KHAZAR PERIOD IN THE DON BASIN AND ON KOREAN DIADEMS: THE PROBLEM / QUESTION OF CULTURAL CONTACTS ON THE TERRITORY OF EURASIA

Abstract. The article is devoted to the image of the world tree. The image was found on the corneous reliquary in the female burial of the Khazar period in the Lower Don region (Kastyrsky VI, mound 2, grave 6). The closest analogy to this is the reliquary from the Mayak fortified settlement, which has a tree pattern with three pairs of branches on its surface. Another analogy close to this particular image of the world tree is from the bone case from the Kastyrsky complex. It was found on the other edge of Eurasia three hundred years earlier, i.e. the images of the world tree on the royal diadems from Korea. The article analyses the semantics of the world tree image on the reliquary, as well as on the diadems. A link to the world tree on the diadems containing female characters on the monuments of the Iranian cultural world is investigated. The tree on the crown is a classic image of the world tree as a symbol of the world center. It emphasises the sacral functions of the ruler. When interpreting the meaning of the world tree on the diadem, the link of the Korean diadems with shamanism and the image of the king should be taken into account. The emergence of world tree images can be attributed to their origin from the steppe zone of Central Asia. In Korea, diadems date back to the 5th century AD and are associated with the cultural influence of the nomadic world. Ethnically, the Khazars are a part of the Turkic world of Central Asia, they moved to Eastern Europe in the late 6th early 7th centuries AD. At the moment, the cultural link between the diadems and the reliquary is the author's hypothesis, and further research will show its validity.

Key words: World Tree; Saltovo-Mayaki Culture; Silla; Lower Don River region; Korea; images of space; funeral rite; diadem; king; shamanism.

About the authors: Yevgeny Viktorovich Vdovchenkov¹, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Archeology and Ancient History at the Institute of History and International Relations; Li Dzhi Un², Candidate of Historical Sciences, Professor-Researcher.

Place of employment: ¹Southern Federal University; ²Dong-A University, Busan, Republic of Korea.

Вдовченков Е.В., Ын Ли Джы. Образ мирового древа в погребении хазарского времени в Подонье и на корейских диадемах: проблема культурных контактов на территории Евразии // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 82–91.

Vdovchenkov Ye.V., Un Li Dzhi The Image of World Tree in the Burial of the Khazar Period in the Don Basin and on Korean Diadems: The Question of Cultural Contacts on the Territory of Eurasia // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2018. No. 4. P. 82–91.

УДК 398.324

В.И. Колесов
Краснодар, Россия

ИЗ «РУМ-МИЛЛЕТ» В РОССИЙСКИЕ ИНОРОДЦЫ: НАЧАЛО ПРОЦЕССА ГРУППООБРАЗОВАНИЯ ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Аннотация. В фокусе исследовательского внимания в статье находятся трансформационные процессы на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. в условиях закончившейся русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и начавшегося противостояния с местным кавказским населением, получившего наименование Кавказской войны. На смену османской миллетной системе пришли российские модели управления и социокультурные практики. Местное аборигенное население в правовой иерархии Российской империи было отнесено к категории «иностранцы». Цель статьи – на примере адыгоязычной общности горских греков продемонстрировать противоречивый процесс группообразования как совокупности меняющихся социальных связей. В качестве методологии применена акторно-сетевая теория Бруно Латура, примененная к историческим реалиям первой половины XIX в., что позволило представить причисление индивида к группе как постоянно идущий процесс. Рассмотрены возможные пути формирования и пополнения греческого населения региона, его взаимосвязь с анатолийской частью Турции, Крымом и Мариупольщиной. Сохранив привычные коммуникации с адыгами и черкессогами, горские греки всю первую половину XIX в. консолидируются в более менее устойчивую группу, постепенно трансформируясь из конфессионального «сословия», обусловленного османской миллетной системой, в этническую общность «века национализма». Выявлены конкретные семейные истории греков Демтировых, Серафимовых, Кокшевых в процессе переселения на территорию Российской империи. Группообразование горских греков может быть примером процессов «этнизации» кавказских групп первой половины XIX в.

При написании статьи автор использовал неопубликованные документы Государственного архива Краснодарского края и источники личного происхождения середины XIX в. – дневниковые записи англичанина Джеймса Бэлла и воспоминания француза Тэбу де Мариньи.

Ключевые слова: трансформация; Северо-Западный Кавказ; миллет; Российская империя; османская империя; горские греки; черкессогаи; колонизация; группообразование; иностранцы; Гривенский Черкесский аул.

Сведения об авторе: Владимир Игоревич Колесов, независимый исследователь.

Контактная информация: 353002, Россия, г. Краснодар, ул. Карасунская набережная, д. 151, тел. 8 (918) 465-77-66, E-mail: kolesov_v@yahoo.co.uk.

Северо-Западный Кавказ становится ареной межимперского противостояния во второй половине XVIII в., когда несколько русско-турецких войн перенесли военные действия и на эту территорию. Левобережье Кубани входило в состав Анапского пашалыка Османской империи, правобережье было частью Крымского ханства. Помимо кочующих на правобережье Кубани ногайцев, крымских татар и живущих в Закубанье черкесов (западных адыгов) население региона постоянно пополнялось выходцами с Севера – беглыми крестьянами и казаками, недовольными реформами, проводимыми Российскими администрациями, а с

Запада, Юга и Востока – турецкими, армянскими, греческими и еврейскими торговцами и ремесленниками, для которых обыденностью было перемещение по любым османским территориям от Диарбекира до Крыма, от Стамбула до Батума. В торговых путях Северо-Западный Кавказ был одной из «вершин» воображаемого треугольника: Анатолия (уже – Понтийская область) – Крым – Северо-Западный Кавказ. С переселением части крымских христиан Екатериной II в Приазовье в 1777–1778 гг. (будущие мариупольские греки и нахичеванские армяне) этот «треугольник» превратился в «ромб», в котором Северо-Западный